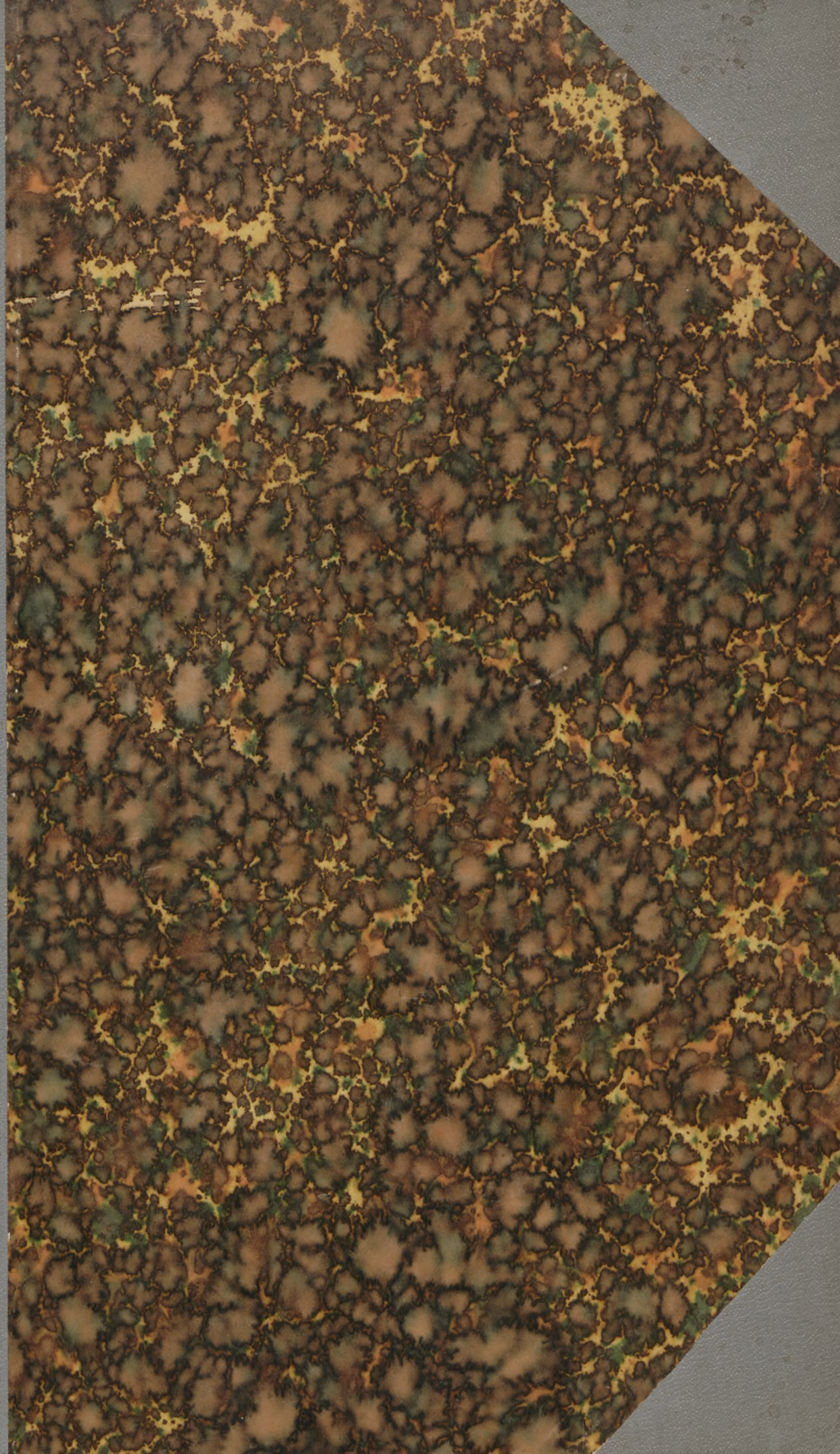
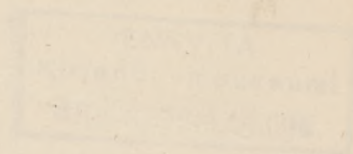

II.
7699.

II. 4699.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ПЕРВОМЪ СЪЗНАТЕЛНОМЪ СЪВѢЩАНІИ

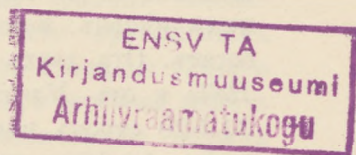
СЪСТАВЛЕНА

ВЪ СЪСТАВѢ

ВЪ СЪСТАВѢ

Въ составѣ... (The text in this block is extremely faint and mostly illegible, appearing to be a list or a series of names and titles.)

Въ составѣ... (The text in this block is also extremely faint and mostly illegible, continuing the list or series of names and titles.)

16039

О псковскихъ эстонцахъ или такъ называемыхъ „сетукезахъ“.

Заслуженнаго пастора

Я. Гурта.

Благодаря любезному содѣйствію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я имѣлъ возможность совершить лѣтомъ 1903 г. поѣздку въ Псковскую губернію съ цѣлью пополненія моихъ изысканій въ области этнографіи, народной поэзіи и языка тамошнихъ эстонцевъ или, какъ ихъ называютъ, „сетукезовъ“ (Setukesed, единств. число Setukene). Выражая мою искреннюю признательность Обществу за предоставленное мнѣ для означенной цѣли пособіе, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить о ходѣ и результатахъ моей поѣздки.

Поѣздка моя, продолжавшаяся въ общей сложности восемь недѣль, была совершена въ два срока: съ 2 іюня по 12 іюля, и потомъ съ 1 по 15 сентября. Необходимость перерыва была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что продолжающіяся во вторую половину іюля и весь августъ сельскія работы затрудняли сношенія съ сельскими жителями. Моимъ главнымъ мѣстопробываніемъ въ обѣ поѣздки я избралъ пригородъ *Печеры* (Petseri), центръ сетукезской области. Отсюда я совершалъ экскурсіи по деревнямъ; сюда я приглашалъ разныхъ лицъ, которые могли доставить мнѣ обильныя свѣдѣнія. Главное мое вниманіе было обращено на матеріальное и духовное благосостояніе народа, на ихъ нравы и обычаи, въ

особенности же мною было записано большое число народных пѣсень, которыми маленький народецъ сетукезовъ очень богатъ. Отъ двухъ только пѣвицъ: отъ *Miku Ode* изъ деревни *Helbi* и отъ *Martini Iro* изъ деревни *Kolowinna*, я добылъ 31.520 строкъ пѣсень, изъ которыхъ *Ode* пропѣла 20.720, а *Iro* 10.800 строкъ. Съ цѣлью нагляднаго изображенія предметовъ матеріальнаго благосостоянія народца, я взялъ съ собою фотоса-любителя, студента медика *V. Reier'a* изъ Юрьева, который сдѣлалъ для меня около 40 снимковъ и приблизительно столько же рисунковъ карандашемъ. Волостныя правленія любезно снабжали меня статистическимъ матеріаломъ; свѣдѣнія о санитарномъ состояніи области сообщалъ мнѣ докторъ Матвѣевъ, врачъ уѣздный больницы около Печеръ; что касается духовной и нравственной стороны жизни, то цѣннымъ для меня было мнѣніе старшаго священника Печеръ, о. Мутовозова. Главнымъ же источникомъ добытаго мною былъ самъ народъ. Раскрыть этотъ источникъ для меня не составляло труда, такъ какъ уже раньше, въ 1884, 1886 и 1902 годахъ я совершалъ поѣздки въ означенную область, и свободно владѣю языкомъ сетукезовъ.

Вдаваться въ подробности моихъ изысканій не позволяютъ мнѣ узкія рамки краткаго отчета о поѣздкѣ. Собранный мною богатый матеріалъ нуждается въ спеціальной, всесторонней разработкѣ; здѣсь же я имѣю въ виду набросать лишь краткій общій очеркъ изслѣдованій земли и ея обитателей.

Сетукезы населяютъ сѣверозападную часть Псковскаго уѣзда. Сѣвренюю своей оконечностью область ихъ распространенія достигаетъ вплоть до впаденія рѣки *Во* (*Wanjögi*) въ Псковское озеро. Западную границу съ Лифляндской губерніи образуютъ двѣ рѣки: съ сѣвера верховья *Меды* (*Mädajögi*), притока рѣки *Во*, съ юга — верховья *Пимжы* (*Piusajögi*). Среднее теченіе и низовья этой рѣки, впадающей въ Псковское озеро, прорѣзываютъ эту страну посрединой, и раздѣляютъ ее на двѣ половины, сѣверную и южную. Восточная граница *Сетукезии* (*Setumaa*) обозначена въ главныхъ чертахъ направленіемъ югозападнаго берега Псковскаго озера, однако такимъ образомъ, что лишь къ сѣверу одиннадцать сетукезскихъ деревень достигаютъ берега озера, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ сетукезовъ отдѣляютъ отъ него

русскія деревни. Южная приблизительная граница обозначена Псково-Рижским шоссе, а именно его протяженіемъ между *Изборскомъ* (Isboska) и Лифляндскою станціею *Illingen* (Misso), причемъ, однако, десять сетукезскихъ деревень лежатъ еще южнѣ этого шоссе. Прямо черезъ означенную область пролегаетъ Псково Рижская жел. дорога, частью параллельно рѣкѣ Пимжѣ. Южная половина Сетукезіи раздѣляется цѣлымъ комплексомъ русскихъ деревень, вѣдряющихся на подобіе клина съ юга на сѣверъ, на двѣ части, западную и восточную. Въ сѣверной части этого клина, доходящаго до Пимжы, лежитъ пригородъ Печеры съ 1300 жителями (приблизительно) и первокласснымъ монастыремъ.

Въ административномъ отношеніи Сетукезія раздѣляется на четыре волости: *Слободская волость* (Lobodka wald) съ сѣвера, *Паниковская волость* (Pankowitsa wald) съ юга, *Печерская волость* (Petseri wald) въ центрѣ, и *Изборская волость* (Isboska wald) съ востока. Въ послѣдней изъ нихъ менѣе всего сектукезовъ, такъ какъ она населена преимущественно русскими. Что касается характера мѣстности, то къ сѣверу отъ Пимжы она представляетъ главнымъ образомъ низменность съ преимущественно песчаной почвой, покрытую мѣстами еще болотами. Лѣса, въ этой части еще довольно густые, содержатъ преимущественно хвойныя породы. Рѣдко попадаются здѣсь небольшія болота, зато часто встрѣчаются живописныя долины и красивыя мѣста чернолѣсья, хотя богатой лѣсомъ мѣстность эту нельзя назвать, и на востокѣ, главнымъ образомъ въ Изборской волости, она даже бѣдна лѣсомъ. На югѣ почва хрящевата и глиниста, причемъ глина встрѣчается главнымъ образомъ къ западу отъ Печеръ по среднему теченію Пимжы вплоть до лифляндской границы. Не будучи низменностью, мѣстность эта тѣмъ не менѣе носитъ названіе „Мокролугъ“, потому что, благодаря глинѣ влага долго остается на поверхности; южная часть плодороднѣе и населеннѣе сѣверной. Климатъ, по увѣренію доктора Матвѣева, вполне здоровый, главнымъ образомъ въ южной части. Весьма распространенныя мѣстныя болѣзни: трахома, катарръ желудка и чесотка, не находятся ни въ какой зависимости отъ климата, а являются слѣдствіемъ низкаго культурнаго уровня народа, причемъ докторъ Матвѣевъ указывалъ главнымъ образомъ на нечистоплотность и плохое питаніе во время постовъ,

какъ на существенныя причины накожныхъ и желудочныхъ болѣзненныхъ формъ. Легочная чахотка встрѣчается очень рѣдко, тифъ рѣдко; проказы и болотной лихорадки совсѣмъ нѣтъ.

Численность сетукезовъ не велика. По послѣдней всеобщей переписи 1897 года она равняется всего 16.571 душамъ, т.-е. равносильна одному большому, или двумъ среднимъ лифляндскимъ приходамъ. По волостямъ сетукезское населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1. Слободская волость:	. .	2406 муж.	—	2557 женщ.	—	Всего —	4963
2. Печерская волость:	. .	3272 „	—	3263 „	—	Всего —	6535
3. Паниковская волость:	. .	1794 „	—	1839 „	—	Всего —	3633
4. Изборская волость:	. .	686 „	—	754 „	—	Всего —	1440
							8158 муж. — 8413 женщ. — Всего — 16571

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сетукезы представляютъ лишь ничтожнѣйшую долю многомилліоннаго населенія Россійской Имперіи, и что ихъ соціальное и государственное значеніе равняется нулю. Не смотря однако на это они представляютъ высокій интересъ для науки, и маленькая область ихъ распространенія является богатымъ источникомъ для этнографовъ и археологовъ.

Сетукезы сохранили очень много первобытнаго и стариннаго: въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своихъ правахъ и обычаяхъ, въ своихъ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ, даже въ своей внѣшности, преимущественно въ женскомъ одѣяніи.

Въ одномъ изъ изданій своего народнаго эпоса „Kalevala“ финны воспроизвели въ краскахъ типъ первобытнаго финна и первобытной финки на основаніи данныхъ археологическихъ изысканій и изученія народныхъ преданій. Однако эти научные, отраженные типы, давно минувшихъ временъ живо напоминаютъ наблюдателю современныхъ, среди насъ живущихъ, сетукезовъ; въ особенности поразительно сходство первобытной финки съ сетукезкой, выражающееся не только въ покроѣ одежды, но и въ выборѣ и сочетаніи цвѣтовъ, такъ что при первомъ взглядѣ на изображеніе Kalevala'ы кажется, что видишь предъ собою сетукезку. Всматриваясь внимательнѣе, вы замѣтите нѣкоторые маловажныя отличія, напр. богатство украшеній у современной сетукезки, но основной характеръ и общій обликъ остается одинъ и тотъ же. Это служить

нагляднымъ доказательствомъ того, что съ одной стороны одежда сетукезовъ очень первобытна, съ другой—что финны, воспроизведя внѣшній обликъ своихъ предковъ, не уклонились, какъ кажется, отъ исторической правды. Невольно возникаетъ вопросъ, какова же причина этой первобытности сетукезовъ въ наше время? Во-первыхъ, нужно отмѣтить, что ихъ единоплеменники и ближайшіе сосѣди, лифляндскіе эстонцы, составляютъ въ полномъ смыслѣ культурную народность двадцатаго вѣка. Далѣе, мы должны имѣть въ виду, что сетукезы живутъ не въ заброшенной, отрѣзанной отъ международныхъ сношеній мѣстности: они живутъ на землѣ, богатой историческими событіями. На западѣ лежитъ Лифляндія съ ея перемѣнными судьбами; на востокѣ — Изборскъ, Псковъ и далѣе Новгородъ, имѣвшіе выдающееся значеніе въ русской исторіи; старинная, соединяющая Ригу со Псковомъ, большая дорога пролегаетъ черезъ сетукезскую область. Не было, слѣдовательно, недостатка въ точкахъ, соприкосновенія и въ вліяніи иноплеменныхъ элементовъ. Чѣмъ же объясняется явленіе столь выраженной первобытности сетукезовъ? Отвѣтъ, по моему мнѣнію, таковъ: своеобразный и первобытный свой обликъ они сохранили благодаря своеобразному взаимодействию національности и вѣроисповѣданія. Послѣдующее изложеніе дастъ разъясненіе и доказательство этого положенія.

Будучи по своему происхожденію чистокровными эстонцами, сетукезы представляютъ восточную вѣтвь верро-эстонскаго племени. Ихъ отдѣленіе отъ верро-эстонцевъ въ прежнія времена носило государственный характеръ, такъ какъ со временъ Трувора сетукезы всегда принадлежали русскому государству, тогда какъ верро-эстонцы послѣдовательно находились подъ нѣмецкимъ, польскимъ и шведскимъ владычествомъ. Въ настоящее время, когда російскій скипетръ объединилъ государственно обѣ части одного и того же племени, раздѣленіе является исключительно административнымъ, выражаясь въ томъ, что сетукезы принадлежатъ Псковской, а верро-эстонцы Лифляндской губерніи. Этнографическаго раздѣленія въ собственномъ смыслѣ слова никогда не было и въ настоящее время также не можетъ быть обнаружено. Народный типъ и нарѣчіе сетукезовъ и верро-эстонцевъ тождественны, ибо особенности говора и запаса словъ, являющіяся послѣдствіемъ вліянія русскаго языка, слишкомъ незна-

чительны, чтобы являлась возможность считать языкъ сетукезовъ самостоятельнымъ нарѣчіемъ.

По своимъ религіознымъ возрѣніямъ, сетукезы принадлежатъ къ православной церкви со времени проникновенія къ нимъ христіанства. Я не нашелъ ни одного указанія на то, чтобы они въ общемъ своемъ составѣ когда-либо были католиками или лютеранами. Лютеранство, во всякомъ случаѣ, можетъ быть исключено, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ за то, чтобы оно, какъ народное вѣроисповѣданіе, когда-либо проникало на востокъ за границы лифляндскихъ приходовъ Rappin и Neuhausen, ибо государственныя границы дѣлали такое проникновеніе невозможнымъ. Что касается католицизма, то дѣло обстоитъ нѣсколько иначе относительно одной части сетукезовъ. Именно, во время Орденскаго владычества въ Лифляндіи, граница между Лифляндіей и Россіей была отодвинута далѣе на востокъ въ область сетукезовъ, вплоть до средняго теченія и низовья Пимжы. Поэтому эстонцы, жившіе между этой рѣкой и рѣкой Меда, теперешней границей Лифляндской и Псковской губерній, должны были принадлежать къ Ордену, а въ силу этого быть причислены къ католической церкви. Когда же впослѣдствіи граница отодвинута была къ западу, эта часть населенія, соотвѣтствующая теперь Слободской волости, перешла къ Россіи, перешла въ православіе и стала сетукезами. Доказательствомъ этого служатъ нѣкоторые, сохранившіеся до нашего времени, католическіе элементы въ ихъ рѣчи и обычаяхъ. Однако, это мѣстное лишь и временное вліяніе католицизма столь несущественно, что сетукезы всецѣло и во все вѣка христіанства могутъ считаться принадлежащими къ православной церкви.

По характеру своей народности сетукезы обособлены отъ русскихъ, хотя они вѣками живутъ другъ подлѣ друга и поддерживаютъ другъ съ другомъ мирныя отношенія. Русскимъ языкомъ владѣютъ до нѣкоторой степени только мужчины, тогда какъ женщины и дѣти его совершенно не знаютъ. Дома и вообще между собою сетукезы говорятъ исключительно по-эстонски; на сѣверѣ, въ Слободской волости, даже мужчины очень плохо знаютъ русскій языкъ. Браки между русскими и сетукезами чрезвычайно рѣдки. Отецъ Мутовозовъ, старшій священникъ Печеръ, сообщилъ мнѣ, что въ его приходѣ, насчи-

тывающемъ 3000 душъ въ теченіе его двадцатитрехлѣтней пастырской дѣятельности было лишь два смѣшанныхъ брака. Нерасположеніе другъ къ другу взаимное. Русскій смотритъ на сетукеза или сетукезку, какъ на человѣка низшей расы, вступить въ связь съ которымъ не позволительно. Сетукезкѣ, въ свою очередь, не симпатиченъ русскій характеръ, даже русская одежда, на которую она не промѣняетъ свою. Спросивъ одну сетукезку, почему она и ея одноплеменницы не хотятъ измѣнить одежды, я получилъ въ отвѣтъ: „Да развѣ это возможно? вѣдь она красива; наши матери также одѣвались. Святая Дѣва Марія носила такую же одежду, и было бы грѣшно замѣнить ее другой“. Дѣйствительно, сетукезское женское одѣяніе очень красиво, и распространено оно по всей области. У сетукезовъ свои особые народныя празднества, такъ называемые Kirmaski'. Названіе это происходитъ отъ нѣмецкаго слова Kirmes, Kirchmess, что объясняется тѣмъ, что сами празднества возникли въ Лифляндіи въ тѣ времена, когда она еще была страной католической и подъ нѣмецкимъ владычествомъ. Сдѣлавшись лютеранами, лифляндскіе эстонцы позабыли свои праздники и ихъ названія, сетукезы же ихъ сохранили. На эти народныя празднества приходятъ часто и русскіе, но каждая народность образуетъ обособленныя группы. Полной взаимности и не можетъ быть, ибо отсутствуетъ связующая, обѣимъ народностямъ понятная рѣчь. Одна часть не можетъ принимать участія въ пѣсняхъ, играхъ и шуткахъ другой, можетъ лишь созерцать, или веселиться отдѣльно. Каждая народность сохраняетъ самостоятельный характеръ своихъ праздниковъ. Кромѣ сказаннаго слѣдуетъ указать еще на два обстоятельства, поддерживающія и укрѣпляющія самобытность сетукезовъ по отношенію къ могучей русской народности, и способствующія сохраненію ихъ обособленности; а именно ближайшее сосѣдство лифляндскихъ эстонцевъ и извѣстная доля упрямства въ характерѣ эстонской народности. Хотя лифляндскій эстонецъ относится не особенно дружелюбно къ своему сетукезскому сородичу, ставя его по его некультурности еще ниже, чѣмъ это дѣлаетъ русскій, тѣмъ не менѣе болѣе совершенная форма лифляндской культуры оказываетъ на сетукеза значительное притяженіе, а тождество народности способствуетъ легкому переходу вліянія запада на востокъ, что сказывается не только въ народ-

номъ хозяйствѣ, но выражается и въ томъ, что среди сетукезской мужской молодежи широко распространена одежда лифляндскихъ эстонцевъ. Относительно національнаго характера ихъ я могу отмѣтить слѣдующее. Должностныя лица всѣхъ волостныхъ правленій, съ которыми мнѣ приходилось говорить о сетукезахъ, высказались единодушно, что это народъ упрямый. То же самое высказалъ въ 1886 году священникъ въ Паниковичахъ, признавшій въ остальномъ за своими сетукезскими духовными дѣтьми много хорошихъ качествъ. Указанное только что упорство сетукезовъ имѣеть, однако, не только дурную сторону, называемую собственно упрямствомъ, но и хорошую выражаясь въ твердости, выдержкѣ и силѣ характера. Благодаря этимъ качествамъ псковскіе эстонцы оказались способными удержать унаслѣдованную самобытность отцовъ и сохраниться въ теченіе столѣтій, какъ самостоятельная національная индивидуальная единица, бокомъ о бокъ съ русскими, причемъ она навѣрное сохранится еще надолго. Не смотря на общность вѣроисповѣданія русское вліяніе носитъ главнымъ образомъ officialный и внѣшній характеръ.

Въ какомъ же состояніи вѣрованіе сетукезовъ? Будучи, какъ уже сказано, испоконъ-вѣковъ православными, они ревностно преданы своему вѣроисповѣданію и добросовѣстно выполняютъ предписанія своей церкви. Таковъ отзывъ всѣхъ священниковъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Твердость ихъ характера сказывается и тутъ, притомъ благотворно. Тѣмъ не менѣе русскіе называютъ ихъ *полуверцами* и не считаютъ ихъ истыми христіанами. Хотя такое прозвище и возникло, какъ мнѣ кажется, на почвѣ національнаго различія тѣхъ и другихъ, тѣмъ не менѣе оно вполне справедливо, и оправдываетъ въ данномъ случаѣ изрѣченіе: „vox populi vox dei“. Пониманіе религіи и ея проявленія носятъ у сетукезовъ чисто внѣшній характеръ. На богослуженіе они смотрятъ какъ на религіозное лицедействіе, какъ на красивое зрѣлище, которымъ они охотно любуются. Церковныя службы и требы считаются дѣяніями, которыми снискиваютъ у Бога благодать и благорасположеніе. Посты и процессіи считаются полезными и спасительными уже потому, что ихъ соблюдаютъ; о настроеніи же и убѣжденіи сердца не спрашиваютъ. Посты соблюдаются очень строго, ибо они предписаны, но это не мѣшаетъ нисколько сетукезу при случаѣ отзываться объ этомъ рели-

гіозномъ обрядѣ весьма неблагоговѣйно. Религія составляетъ для сетукеза лишь сумму церемоній и обрядовъ; дѣйствительнаго содержанія Евангелія онъ еще нисколько не понялъ, и Священное Писаніе осталось еще для него книгой за семью печатами. Церковныя службы и религіозныя требы совершаются исключительно на русскомъ языкѣ. Обученія закону Божію и наставленія на ихъ родномъ языкѣ они не получаютъ, ибо священники не знакомы съ ихъ языкомъ. Поэтому не удивительно, что даже знаніе десяти заповѣдей и молитвы „Отче нашъ“ представляетъ лишь рѣдкое исключеніе, и если иные и знакомы съ этими простѣйшими элементами христіанства, то оказывается, что они ихъ переняли у своихъ ближайшихъ сосѣдей, лифляндскихъ эстонцевъ. Одинъ священникъ разсказалъ мнѣ, что лѣтъ шесть тому назадъ какой-то монахъ, знающій сетукезскій языкъ, сдѣлалъ попытку вести на этомъ языкѣ религіозныя бесѣды, но, по словамъ священника, ему это не удалось. Не мое дѣло доискиваться причины этой неудачи, но я знаю, что сетукезы желали бы имѣть богослуженіе и религіозное наставленіе на своемъ родномъ языкѣ, чего они, однако не получаютъ. Поэтому вполне понятно, что религіозное развитіе сетукезовъ стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ.

Въ только что изложенномъ и таится причина того, что сетукезы всей силой своего ума и сердца отдались преданіямъ своихъ предковъ, стариннымъ пѣснямъ, сказаніямъ и сказкамъ. Черезъ посредство этихъ продуктовъ ума и изліяній сердца своихъ предковъ они преподають молодежи правила жизни, въ нихъ они находятъ свою радость и свое горе. Преданія отцовъ замѣняютъ имъ библію и молитвенникъ. Такъ какъ человѣку, и помимо христіанства, дана совѣсть и извѣстная мѣра нравственнаго сознанія, то не удивительно, что эти древніе продукты ума, заключающіе въ себѣ подчасъ прекрасныя черты и убѣдительныя истины, составляютъ дѣйствительную пищу для ума и сердца, они оказываютъ нравственное воздѣйствіе, и руководятъ въ жизни, оказывая на нее извѣстное вліяніе, ибо формы пѣсенъ, разсказовъ и пословицъ, вытекающихъ прямо изъ сердца—вполнѣ народны, картинны и рельефны, а потому говорятъ непосредственно сердцу же. Являясь, такимъ образомъ, въ жизни сетукезовъ чрезвычайно важнымъ элементомъ, преданія старины удерживаются у нихъ

съ большой любовью и передаются послѣдующимъ поколѣніямъ, чему главнымъ образомъ способствуетъ женская часть народа, душа очага и семьи. Богатство знанія народныхъ пѣсенъ считается большимъ достоинствомъ, и способствуетъ доброй молвѣ о всякой сетукезской женщинѣ и дѣвушкѣ. „Безъ пѣсенъ, сказала мнѣ одна сетукезка-мать, дѣвушка у насъ не смѣетъ выходить изъ дому“. Знаніе пѣсенъ считается лучшимъ приданымъ, которое невѣста приноситъ жениху, ибо вмѣстѣ съ пѣснями она вноситъ въ новый домъ свой: мудрость отцовъ и матерей, жизнерадостность и утѣшеніе. Сетукезь неразрывно связанъ съ наслѣдіемъ своихъ предковъ, и это наслѣдіе сохранено для него и для науки благодаря его національности и вѣроисповѣданію.

А школа? развѣ она не даетъ также и сетукезскому народу образованіе и просвѣщеніе? Конечно да, но лишь чрезвычайно малому числу отдѣльныхъ личностей, прошедшихъ школу. Вся масса народная безграмотна. При томъ нужно замѣтить, что почти всѣ школы въ деревняхъ возникли лишь въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и что полное исключеніе родного языка изъ преподаванія чрезвычайно затрудняетъ работу школы и не въ состояніи развитъ въ народѣ любовь къ ней. Мнѣ рассказывали, что одинъ сетукезь, спрошенный, почему онъ не посылаетъ своихъ дѣтей въ школу, отвѣтилъ: Къ чему это? тамъ сойдутся вмѣстѣ поросенокъ и баранъ. Поросенокъ питить, а баранъ блѣетъ; одинъ другого не понимаетъ. Этими словами деревенскій житель хотѣлъ выразить въ наглядной формѣ, что ученикъ и учитель, благодаря обоюдному незнанію языка, не могутъ понять другъ друга. Однако, несмотря на это, существующее въ настоящее время, несоответствіе, и къ сетукезамъ проникло сознаніе пользы обученія, и уже многіе начинаютъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Но, благодаря отсутствію обязательной грамотности, значительная часть молодежи и теперь вырастаетъ безъ всякаго школьнаго образованія. Въ будущемъ безъ сомнѣнія, произойдетъ поворотъ къ лучшему, но, пока церковь будетъ исключать мѣстный народный языкъ изъ своего богослуженія, работа школы принесетъ также лишь половину плодовъ. Здѣсь, въ странѣ сетукезовъ, православной церковью совершенно забытъ ея старинный, чисто евангельскій, принципъ, на который она постоянно ссылается по отношенію къ римско-католиче-

ской церкви, а именно: преподавать народу слово Божіе на его родномъ языкѣ. Прекрасный принципъ этотъ слѣдовало бы соблюдать во всѣхъ случаяхъ, на благо церкви и народа. Лишь тогда только исчезнетъ полуязыческій характеръ сетукезовъ и жизнь этого народца обновится и проникнется свѣтомъ Евангелія.

Сказаннаго о духовной культурѣ сетукезовъ достаточно. Укажу еще на слѣдующія характерныя стороны изъ жизни этого народа.

Сетукезы средняго роста, ниже русскихъ. Они въ большинствѣ случаевъ бѣлокуры, почему дѣвушки и называются въ народныхъ пѣсняхъ: „linahiusse linnukese“, т.-е. бѣлокурыя пташки. Среди дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ часто попадаются довольно миловидныя, причемъ эта природная миловидность выступаетъ еще рѣзче благодаря красивому одѣянію съ богатыми серебряными украшеніями.

Женская одежда состоитъ, во-первыхъ, изъ бѣлой, льняной рубашки, рукава которой украшены на плечѣ и въ области кистевого сустава красной вышивкой. Поверхъ рубашки носятъ безрукавый кафтанъ темносиняго цвѣта съ красной каймой, который имѣетъ различныя названія, смотря по сорту матеріи, изъ которой ооъ спить. Сотканый изъ тонкой пакли называется „rüüd“, изъ льняной пряжи—„sarahvan“; ситцевый—„kitasnik“; суконный—„sukmann“. Суконный кафтанъ надѣваютъ лишь въ торжественные или праздничные дни. Особого лифа и особой нижней юбки сетукезки не носятъ, и то и другое замѣняетъ имъ упомянутый кафтанъ, который спускается съ плечъ до самыхъ мыщелковъ; лишь худощаваго сложенія женщины носятъ, какъ говорятъ, особыя юбки подъ кафтаномъ, чтобы казаться полнѣе. Грудь и шею покрываетъ богатое украшеніе, которое, однако, надѣвается полностью лишь въ праздничные дни. Середину груди занимаетъ довольно широкій, круглый, конической формы серебряный щитъ (sölg). Шея увѣшана многочисленными, спускающимися ниже нагруднаго щита, серебряными же цѣпочками, изящно и гармонично сгруппированными. Цѣпочки эти различной работы и потому имѣютъ различныя названія; имѣются витыя или крученныя цѣпи (püörtü'), на подобіе веревокъ, лентообразныя, плетенныя панцырныя (tsäposka'), и тонкія тесьмообразныя (keti', отъ нѣмецкаго Kette—цѣпочка). Цѣпочки увѣшаны се-

ребрыными монетами и крестиками. Шея обвита нѣсколькими рядами стекляныхъ бусъ. Богатство украшенія зависитъ, конечно, отъ зажиточности дѣвушки или женщины; богатые носятъ на своей груди отъ шести до семи фунтовъ серебра, и тогда украшеніе оцѣнивается въ 250 до 300 рублей. У себя дома и въ лѣтнее время дѣвушки ходятъ съ непокрытой головой, когда же онѣ выходятъ изъ дому, или въ зимнее время, онѣ покрываютъ голову платками. Въ праздничные дни ихъ головной уборъ состоитъ изъ вѣнкообразнаго украшенія (vanik), составленнаго изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ лентъ, намотанныхъ на жестяной, или даже картонный обручъ, и спускающихся своими концами вдоль спины внизъ. Женщины вмѣсто этого носятъ на головѣ особый, льняной, бѣлый, плотно прилегающій платокъ, который на затылкѣ перевязывается повязкой изъ красныхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ нитей, плотно его сдерживающей. Платокъ этотъ называется „linik“ и длина его равняется восьми локтямъ его обладательницы; его спускающіеся концы достигаютъ до самыхъ мыщелковъ и ихъ кончики имѣютъ богатую и красивую разноцвѣтную вышивку, съ преобладаніемъ основного краснаго цвѣта. Linik совершенно покрываетъ волосы, носится дома постоянно, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, и служитъ отличительнымъ признакомъ женщины. При выходѣ изъ дому поверхъ linik'a надѣвается еще какой нибудь платокъ, обыкновенно бѣлый, съ разукрашенными каймами, но я видалъ и красные, желтые и пестрые головные платки. Передники въ большинствѣ случаевъ краснаго цвѣта, хотя бываютъ и другихъ цвѣтовъ. Верхняя одежда всегда бѣлаго цвѣта, благодаря чему толпа сетукезовъ издали можетъ быть сравнена съ стаей лебедей. Лѣтняя верхняя одежда (rävik) изъ полушерсти, съ красными каймами, украшена въ таліи красными и зелеными тесьмами. Кистевые обхваты рукавовъ и кайма на груди украшены также черными и зелеными тесьмами. Зимой женщины носятъ бѣлый овечій тулупъ (kask), поверхъ котораго въ случаѣ надобности надѣвается еще другой кафтанъ (särk), также бѣлаго цвѣта. Въ обыденное время на ноги надѣваются чулки (karida') и сандалии (tsuvva'), въ праздничные же дни — полусапожки (poole'-saapa').

Мужское одѣяніе, конечно, проще. Рубашка (hameh) въ большинствѣ случаевъ бѣлая, изъ самотканнаго полотна, съ

красной вышивкой въ шейномъ и грудномъ вырѣзѣ, по попадаются и цвѣтныя рубашки, красныя или синія; носится она по русскому образцу, поверхъ штановъ. Штаны (röksi') то бѣлаго, то сѣраго, красноватаго или синеватаго цвѣта, очень часто съ узкими бѣлыми продольными линиями на темномъ фонѣ. Поверхъ рубашки мужчины носятъ короткій, не достигающій колѣнъ, бѣловато-сѣрый кафтанъ, съ двумя рядами черныхъ костяныхъ пуговицъ, и довольно широкимъ, иногда чернаго цвѣта, отложнымъ воротникомъ. Носитъ онъ названіе: „pitsärk“, кафтанъ верхней части тѣла, или еще: „wäikene särk“, маленький кафтанъ. Въ суровую погоду поверхъ него надѣваютъ широкій и длинный кафтанъ (päälmane särk), называемый также: „hägmäk“, или „suur särk“, т.-е. большой кафтанъ; онъ сѣроватобѣлаго цвѣта съ широкимъ чернымъ отложнымъ воротникомъ; повязывается онъ широкимъ поясомъ. Собственно зимняя одежда состоитъ изъ бѣлой овечьей шубы (kask), которую дома носятъ безъ верхняго кафтана, а на поѣздкахъ подъ нимъ. Голову покрываютъ лѣтомъ маленькой поярковой темносѣрой шляпой, съ узкими полями (kaarküpä), зимою — мѣховой шапкой (talvküpä), которая бываетъ различнаго покроя, смотря по мѣстности и по вкусу. Ноги въ обыденное время обуты въ кожаныя сандалии (tsuvva') и окутаны портянками (jalgräti'); въ праздничные дни и при торжественныхъ случаяхъ носятъ сапоги (saapa'). Лапти (viiso') попадаютъ лишь у бѣдняковъ и у пастуховъ.

Живутъ сетукезы въ деревняхъ, состоящихъ иногда всего изъ трехъ или четырехъ дворовъ. Расположеніе деревень не столь правильное, какъ у русскихъ. Сетукезъ строить свое жилище совершенно независимо и въ сторонѣ отъ сосѣда, совершенно какъ эстонецъ въ остзейскихъ губерніяхъ, причемъ рѣшающимъ является характеръ почвы и собственный вкусъ хозяина. Дворъ обыкновенно больше, и отдѣльныя строенія расположены на большемъ другъ отъ друга разстояніи, чѣмъ у русскихъ. Жилое помѣщеніе (elitare) и рига (rihetare), или совершенно раздѣлены, т.-е. построены въ разныхъ мѣстахъ, или же подъ одной крышей, будучи раздѣлены лишь гумномъ (tarealone), такъ что жилое помѣщеніе находится на одномъ, а помѣщеніе риги на другомъ концѣ дома. Въ рѣдкихъ случаяхъ рига служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жилымъ помѣщеніемъ; чаще попадаютъ дома, имѣющіе два жилыхъ помѣщенія, по

одному на обоихъ концахъ дома, причемъ помѣщеніе между ними называется въ такомъ случаѣ: „Seenine“, каковое названіе обозначаетъ впрочемъ вообще сѣни. Seenine гораздо больше сѣней въ остзейскихъ провинціяхъ, и служить обыкновенно чуланомъ, въ лѣтнее же время въ этомъ помѣщеніи также спать. Жилое помѣщеніе состоитъ только изъ одной комнаты, въ которой стѣнныя бревна обтесаны и гладко обструганы. Печь вмѣстѣ съ подомъ находится съ правой или съ лѣвой стороны отъ входа; вдоль стѣнъ тянутся длинныя лавки и стоятъ кровати. Задняя стѣна, противоположная входу, называется eḡäsaın; въ одномъ изъ ея угловъ находится образъ. Столы, ткацкіе станки и другіе предметы домашняго обихода размѣщаются смотря по надобности и удобству. Окна, состоящія изъ шести стеколъ и украшенные часто снаружи рѣзьбой въ русскомъ вкусѣ, имѣются лишь въ задней и одной изъ боковыхъ стѣнъ; другая боковая стѣна предназначена для кроватей. Къ темной стѣнѣ жилой комнаты иногда пристраивается чуланъ, а подъ комнатой иногда помѣщается погребъ. Вдоль одной изъ сторонъ четырехугольнаго двора и напротивъ жилища, помѣщаются пристройки, какъ-то: амбаръ, конюшни и коровники. Всѣ постройки крыты соломой. Рига и баня помѣщаются, по понятнымъ причинамъ, поодаль, въ сторонѣ. Маленькія и бѣдныя хозяйства имѣютъ обыкновенно общую ригу и баню.

Главное занятіе сетукеза—хлѣбопашество, которымъ онъ занимается столь же охотно и преданъ столь же ревностно, какъ и лифляндскій эстонецъ. Но такъ какъ въ сетукезіи, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, господствуетъ подушная система народнаго хозяйства, то и здѣсь хлѣбопашество не можетъ достигъ такого развитія и процвѣтанія, какъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Въ смыслѣ рациональнаго хозяйства и благосостоянія лифляндскій эстонецъ значительно превосходитъ сетукеза. Существенное подспорье сетукезы, въ особенности сѣверные, могли бы имѣть въ рыболовствѣ благодаря близости большого Псковскаго озера. Но они не любятъ этого промысла, что повело съ теченіемъ времени къ заселенію береговъ этого озера русскими, которые занимаются этимъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ и успѣшно. Народныя пѣсни сетукезовъ полны похвалъ хлѣбопашеству, тогда какъ рыболовство выставляется опаснымъ, лишь случай-

нымъ занятіемъ. На водѣ, такъ говорится въ пѣсняхъ, не только мужчины ловятъ рыбу, но и рыба мужчинъ. Когда рыбакъ отправляется на свой промыселъ, онъ всегда долженъ брать съ собой погребальное одѣяніе, а дома онъ оставляетъ плачущихъ. Когда же хлѣбопашецъ отправляется въ поле, то дома остаются пѣвицы и въ горницѣ радость. Помимо хлѣбопашества сетукезъ занимается торговлей, конечно въ самой первобытной формѣ. Въ лѣсистыхъ восточныхъ мѣстностяхъ онъ скупаетъ березовый деготь, во Псковѣ глиняные сосуды, а у береговъ рыбу, и увозитъ эти товары въ остзейскія губерніи для перепродажи. Тамъ онъ въ свою очередь покупаетъ тряпье и старыхъ лошадей, также для перепродажи: тряпья — на бумажныя фабрики, а лошадей на шкуры. Въ прежнія времена сетукезы промышляли сбытомъ на лифляндскихъ рынкахъ липоваго и ивоваго луба, который они добывали въ низовьяхъ, около Шемериць, южнѣе сетукезіи; въ настоящее же время этотъ промыселъ совсѣмъ прекратился вслѣдствіе того, что съ развитіемъ духовной культуры и зажиточности въ Лифляндіи, никто болѣе не носитъ лаптей. Ремеслами сетукезы занимаются лишь для собственной надобности, и произведенія ихъ кустарныхъ работъ остаются лишь въ крестьянскомъ кругу. Болѣе всего развито ткацкое производство, произведенія котораго дѣйствительно красивы, обнаруживаютъ искусство, и вполнѣ заслуживаютъ вниманія знатоковъ и специалистовъ. Охотой и пчеловодствомъ занимаются лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, тогда какъ въ прежнія времена, судя по народнымъ преданіямъ, эти промыслы были гораздо болѣе распространены и прибыльнѣе. Когда еще водились волки, ихъ ловили въ ямы; въ настоящее же время волковъ болѣе не водится, и ямы засыпаны. Старыя пѣсни рассказываютъ еще про лосей и медвѣдей, но и эти звѣри исчезли, вмѣстѣ съ нѣкогда обширными лѣсами. Современная охота ограничивается зайцами и дичью. Пчеловодство я встрѣчалъ дома, въ садахъ но не видалъ ульевъ въ лѣсу, хотя, какъ говорятъ, они мѣстами еще попадаютъся.

Семейная жизнь можетъ быть названа въ общемъ хорошей и согласной, съ замѣтнымъ патриархальнымъ оттѣнкомъ. Отецъ семейства глава въ домѣ; жена и дѣти безпрекословно ему повинуются. Браки ранніе. При выборѣ невѣсты или жениха

рѣшающимъ побужденіемъ является, съ одной стороны, экономическая точка зрѣнія, съ другой—воля родителей. Если дѣвушка предназначень мужъ, который ей не нравится, или который впослѣдствіи въ бракѣ окажется не соответствующимъ ея ожиданіямъ, то женщина все-таки терпѣливо отдается своей судьбѣ, ибо она убѣждена, что такъ было предопредѣлено ей Создателемъ. Отъ судьбы не уйдешь, суженаго конемъ не объѣдешь, говорится въ народной пѣснѣ. Супружескую вѣрность ставятъ очень высоко; нарушение ея бываетъ очень рѣдко и считается тяжкимъ проступкомъ. Однако, грубое обращеніе мужа съ женой встрѣчается часто, въ особенности, если мужъ преданъ пьянству; зависитъ это отъ низкаго образовательнаго уровня народа, и народныя пѣсни часто свидѣтельствуютъ объ этомъ въ грустныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Дѣти благоговѣйно относятся къ родителямъ и хорошо заботятся о нихъ въ старости. Общеніе возмужалой деревенской молодежи съ своими сверстниками и сверстницами носитъ довольно свободный характеръ и ночныя посѣщенія парнями дѣвушекъ обыденное явленіе; внѣбрачная рождаемость однако очень рѣдка. Игры, пляски и пѣсни заполняютъ свободное время молодежи, въ особенности лѣтомъ, но и въ зимнее время сходятся по праздничнымъ днямъ въ домахъ для веселья и удовольствія. Особый обычай существуетъ среди дѣвушекъ. Между Рождествомъ и началомъ великаго поста, въ такъ называемый мясоѣдъ (lihasöögi aig), онѣ цѣлыми толпами собираются въ домѣ одной изъ подругъ притомъ на цѣлую недѣлю, для совмѣстной работы. Слѣдующую недѣлю проводятъ въ другой семьѣ, и такъ далѣе. Каждая изъ дѣвушекъ беретъ съ собой свою особую работу: прядутъ, шьютъ и вяжутъ, причемъ поютъ пѣсни. Этотъ способъ совмѣстной работы называется расквартировкой (istmahkâumine). Иногда къ нимъ приходятъ и молодые парни; шутятъ, играютъ по мѣстному обычаю, причемъ высматриваютъ невѣсты, что собственно и считается главною цѣлью этихъ сборищъ.

Праздники нашего маленькаго народца бываютъ, либо церковные, либо народные, либо семейные. О праздникахъ церковныхъ не стоитъ говорить, такъ какъ они, благодаря общему вѣроисповѣданію, сливаются съ русскими праздниками и съ ними вполне тождественны. Народныя празднества, состоящія въ пляскахъ и играхъ, справляются въ различное

время и въ различныхъ мѣстахъ, водки и пива пьютъ много. Въ прежнія времена, когда благодаря откупной системѣ водка въ среднихъ губерніяхъ была гораздо дороже, чѣмъ въ Лифляндской губерніи, въ означенные праздники охотно собирались въ лифляндскихъ корчмахъ, расположенныхъ на границѣ. Теперь-же, когда цѣны этихъ „жизненныхъ капель“ сравнялись, собираются на открытыхъ мѣстахъ около деревень или на лѣсныхъ полянахъ. Семейныя празднества, какъ-то: крестины, свадьба и похороны, имѣютъ своеобразный отпечатокъ старины, благодаря богатству и разнообразію ихъ обрядовой обстановки. Лишь на одно обстоятельство я хотѣлъ-бы указать, а именно на то, что сетукезы имѣютъ чрезвычайно большое число какъ свадебныхъ, такъ и жалобныхъ пѣсень; съ послѣдними они сопровождаютъ своихъ умершихъ на мѣсто вѣчнаго покоя. Смотря по возрасту, по степени родства, по роду смерти, похоронныя жалобныя пѣсни чрезвычайно разнятся, при чемъ приходится отмѣтить весьма странное явленіе, а именно, что всѣ эти пѣсни совершенно лишены какихъ-либо элементовъ христіанства, которое, казалось-бы, должно было въ нихъ сказаться.

Свои многочисленныя народныя пѣсни сами сетукезы подраздѣляютъ на три вида: пѣсни *старинныя* (Wana laulu); пѣсни *очередныя*, или *порядковыя* (Kõrre laulu), и *импровизаціи* (Tsorts laulu). Къ стариннымъ пѣснямъ они относятъ унаслѣдованные съ древнихъ временъ поэтическіе рассказы, имѣющіе часто нравственную цѣль, затѣмъ пѣсни сказочнаго, легендарнаго или мифическаго содержанія. Произведенія мифической поэзіи зачастую довольно туманны по содержанію и не всегда понятны для самихъ сетукезовъ. Лишь научное изслѣдованіе путемъ сравнительнаго ихъ изученія, въ состояніи хоть сколько-нибудь освѣтить ихъ и научно использовать. Очередныя или порядковыя пѣсни поются при всевозможныхъ случаяхъ и происшествіяхъ жизни, повторяющихся постоянно и послѣдовательно, какъ бы по очереди, откуда и названіе этихъ пѣсень. Къ нимъ принадлежатъ: свадебныя пѣснопѣнія; похоронныя жалобы; вообще всѣ праздничныя пѣсни; далѣе пѣсни, которыя поются за работой; поэтическія изліянія души по поводу различныхъ происшествій и явленій жизни; пѣсни, поющіяся во время игръ, и наконецъ дѣтскіе стишки. Всѣ эти пѣсни также переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Наконецъ, импровизаціи суть выраженія душевнаго настроенія, вытекающія по мимолетному, случайному вдохновенію; столь-же быстро, какъ онѣ возникаютъ, онѣ опять забываются. Ихъ содержаніе и форма подчасъ непристойны и неприличны, откуда и народное названіе ихъ *tsorts laulu*, выражающее собою понятіе непристойнаго. Существеннымъ элементомъ всѣхъ сетукезскихъ пѣсень является ихъ содержаніе, текстъ (*laulu sõna*), а не способъ воспроизведенія (*laulu wiis*). Ихъ и не поютъ въ собственномъ смыслѣ слова, а лишь мелодично и ритмично пересказываютъ. Характеръ ихъ чисто эпическій. Пересказъ происходитъ такимъ образомъ: знающая пѣвица (*iestlaulja iestwotja*) — пѣніе есть почти исключительно женское занятіе — занѣмаетъ одинъ стихъ, причемъ уже на послѣдней стопѣ впадаетъ хоръ, повторяющій стихъ, два раза подъ рядъ первыя двѣ стопы. Стихосложеніе четырехстопный трохей, причемъ однако трохеи могутъ замѣняться дактилями и нѣкоторыми стопами другого характера. Я не въ состояніи достаточно охарактеризовать музыкальную сторону весьма различныхъ, смотря по содержанію пѣсень, способовъ ихъ воспроизведенія, ибо не обладаю для этого, ни достаточно музыкально развитымъ слухомъ, ни музыкальнымъ образованіемъ. Бывшій профессоръ физики дерптскаго университета, д-ръ Артуръ фонъ-Эттингенъ, разобравшій старинныя народныя эстонскія мелодіи въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, высказалъ взглядъ, что имъ нѣтъ рѣшительно никакого мѣста въ системѣ современной музыки, ибо онѣ представляютъ собою своеобразныя первобытныя мелодіи. Поэтому, мнѣ думается, въ виду полного тождества народныхъ пѣсень къ западу и къ востоку отъ Лифляндской границы, было-бы пожалуй позволительно сказать тоже самое и про пѣсни сетукезовъ.

Помимо народныхъ пѣсень, у сетукезовъ въ ходу различныя музыкальныя инструменты, изъ которыхъ отмѣчу: дудка (*ruopill*); ивовая флейта (*raipill*); сосновая флейта (*pedajapill*); свирѣль (*walipill*); рожокъ (*sarw*); арфа (*kannel*); скрипка (*kiik*), и наконецъ гармоника (*jermol, jargmon*). Такъ наз. „волынка“ (*Dudelsack toropill*) болѣе не въ ходу, и лишь названіе этого инструмента еще сохранилось въ памяти. Дудки вырѣзываютъ изъ тростника и снабжаютъ ихъ язычкомъ, причемъ на одномъ изъ концовъ дудки дѣлаютъ одинъ попе-

речный и два продольных щелевых надрѣза. Ивовая и сосновая флейта дѣлаются такимъ образомъ, что у первой выкручивается древесина изъ коры, а у второй, которая дѣлается изъ сосны, — сердцевина изъ твердой древесины, а затѣмъ одинъ изъ концовъ такимъ образомъ полученныхъ трубокъ косо срѣзывается на подобіе трубокъ органа. Свирѣль образуется черезъ соединеніе двухъ сосновыхъ флейтъ, которыя обѣ вмѣстѣ подносятся къ губамъ, причемъ дуютъ въ обѣ одновременно. Рожокъ представляетъ собою, либо на самомъ дѣлѣ козлийный рогъ, или-же онъ дѣлается изъ осиновой коры, а въ послѣднее время его дѣлаютъ также изъ жести. Всѣ эти духовые инструменты, за исключеніемъ осинового и жестяного рожковъ, употребляемыхъ лишь пастухами, снабжены боковыми отверстиями для модуляціи звуковъ. Такъ какъ эти модуляціи производятся движеніями пальцевъ игрока, эти инструменты называются: „Sörmulitse“, т.-е. пальцевые инструменты. Скрипки сетукезы изготовляютъ очень часто сами, тогда какъ гармоника исключительно привозный инструментъ. Болѣе всего чтится, хотя и менѣе распространена, арфа. Она считается сетукезами, какъ въ древности всѣми эстонцами, священнымъ инструментомъ, изобрѣтеннымъ самимъ Создателемъ; поэтому ее дѣлаютъ преимущественно изъ можжевельного дерева, считающагося священнымъ. Въ народныхъ пѣсняхъ арфа называется также: „прекраснымъ инструментомъ Иисуса“ (illos Eessu pill), причемъ однако слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ пѣсняхъ Иисусъ играетъ чисто миѣическую роль. Такъ какъ арфа священна, то только на ней и можно играть въ самое священное время, т.-е. въ Великомъ посту, когда нѣтъ вообще ни пѣнія, ни игръ. Въ прежнія времена арфа выдалбливалась изъ цѣльнаго куска можжевельного дерева; полость покрывалась пронизанной отверстиями крышкой, поверхъ которой натягивались отъ 5—9 струнъ изъ человѣческихъ волосъ, позднѣе изъ металла, причемъ однако уже давно арфу дѣлали также изъ кленового и ольхового дерева; въ настоящее-же время она дѣлается по современному образцу, изъ досокъ и снабжается гораздо большимъ числомъ струнъ. Въ деревнѣ „Чальцево“ (Tjäältsuva) я видѣлъ экземпляръ съ 21 струной.

Относительно характера и нравственности народа позволю себѣ отмѣтить слѣдующее:

Сетукезы дѣтски-наивны, веселаго нрава и почти всегда въ хорошемъ настроеніи. Споры и ссоры, конечно, бывають но ссорящіеся опять скоро мирятся, просятъ прощенія и вообще не злопамятны, такъ что ихъ можно въ общемъ назвать народомъ миролюбивымъ. Къ несчастнымъ они питають сердечное состраданіе, и нуждающемуся они по мѣрѣ силъ помогаютъ. Въ семейномъ кругу, или въ обществѣ, они словоохотливы и веселы, любятъ шутки и прибаутки, большіе охотники до праздниковъ и игръ. Чужого они встрѣчаютъ привѣтливо и оказываютъ ему гостепріимство. Въ мои четыре поѣздки въ эту мѣстность, я не встрѣтилъ ни одного угрюмаго сетукеза; лишь однажды обратившись къ какой-то сетукезкѣ за справками, я получилъ рѣзкій и грубый отъ нея отвѣтъ. Весьма предупредительно, какъ мужчины, такъ и женщины раскрываютъ передъ изслѣдователемъ сокровища своихъ пѣсенъ, сказокъ и другихъ наслѣдій; недовѣрчивость имъ, какъ кажется, совершенно не свойственна. Когда во время моихъ экскурсій жители ознакомливались со мною лично, или по наслышкамъ, они меня въ буквальный смыслъ засыпали предложеніями выслушивать и записывать ихъ пѣсни и сообщенія. Отчасти, конечно, эта готовность и предупредительность вытекали изъ вѣрной надежды на оплату ихъ любезности звонкой монетой, что мною на самомъ дѣлѣ и дѣлалось всякій разъ, какъ я собиралъ матеріалы. Всѣ эти болѣе или менѣе привлекательныя и хорошія черты характера, на которыя я только что указалъ, не должны однако заслонять тѣневыхъ сторонъ его. Въ своей обыденной домашней обстановкѣ и въ своей одеждѣ, исключая праздничнаго времени и торжественныхъ случаевъ, сетукезы довольно нечистоплотны, что подтвердилъ мнѣ также мѣстный врачъ, докторъ Матвѣевъ, который ставитъ распространеніе въ этой мѣстности кожныхъ болѣзней въ прямую зависимость отъ этой нечистоплотности. Нечистоплотности во вѣншиности соотвѣтствуютъ въ обыденной рѣчи, даже въ разговорѣ съ чужими, съ образованными, слова и выраженія, которыхъ въ цивилизованномъ обществѣ либо совсѣмъ не употребляютъ, либо лишь намеками. Сказанное, впрочемъ, не можетъ служить нравственнымъ упрекомъ народу, ибо оно является лишь оформленнымъ слѣдствіемъ его необразованности. При этомъ я однако, долженъ замѣтить, что съ узконравственной точки зрѣнія,

сетукезы бываютъ подчасъ въ своихъ выраженіяхъ гораздо благопристойнѣе и наивнѣе напр. лифляндскаго эстонца или русскаго, что сказывается особенно ясно въ ихъ проклятіяхъ, никогда не раздражающихся тѣми непристойными словами, которыя въ подобныхъ случаяхъ приходится слышать изъ устъ ихъ только что названныхъ сосѣдей. Очень некрасивую черту сетукезскаго характера составляетъ наблюдаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ у мужчинъ безсердечность. Такъ, напр., сетукезы чрезвычайно скверно обращаются со старыми лошадьми, которыхъ они скупаютъ на разныхъ рынкахъ и гонятъ домой. Бѣдныхъ животныхъ заставляютъ до такой степени голодать на переходахъ, что они обгрызаютъ другъ у друга хвосты; о побояхъ нечего и говорить. Не свободенъ національный характеръ и отъ любви къ сутяжничеству и желанію всегда быть правымъ, благодаря чему чиновники и власти приписываютъ этому народу особаго рода упрямство. Мнѣ кажется, что священникъ въ Паниковичахъ охарактеризовалъ сетукезовъ совершенно вѣрно, когда онъ, въ 1886 году, выразился про нихъ въ разговорѣ со мной въ слѣдующихъ словахъ: „народъ честный, очень грубый и самостоятельный“.

Народное бѣдствіе—пьянство распространено и въ нашей маленькой сетукезіи, требуя время отъ времени себѣ жертвъ. Безъ водки не мыслимъ ни одинъ народный или семейный праздникъ. Въ новѣйшее время присоединился еще другой страшный порокъ: питье эфира, жертвою котораго сдѣлалось въ 1902 году, въ волости Слободка, цѣлое свадебное общество. Къ веселому торжеству было припасено значительное количество эфира; сосудъ съ эфиромъ былъ, по неосторожности, вскрытъ вблизи огня; эфиръ загорѣлся, произошелъ страшный взрывъ, и шесть человѣкъ было убито, и еще большее число пострадало отъ ожоговъ. Хотя это страшное несчастіе и вогнало въ народъ спасительный страхъ, но надолго ли? Собственность ближняго считается въ общемъ неприкосновенной, и воровъ не терпятъ въ деревняхъ. Если кто попадаетъ въ воровствѣ, его рѣшеніемъ всей деревни передаютъ властямъ и выселяютъ. Конечно, воровство этимъ не можетъ быть искоренено; какъ пограничные жители, сетукезы часто играютъ роль посредниковъ между Лифляндской и внутренними губерніями въ дѣлѣ кражи лошадей. Хотя это мерзкое занятіе и клеймится громаднымъ большинствомъ народа презрѣніемъ,

имъ все-таки занимаются, тѣмъ болѣе, что всегда находятся, личности, готовые за деньги и за водку давать на судѣ въ пользу преступниковъ ложныя показанія и даже ложную присягу. Открытыя недавно въ этой мѣстности народныя школы, безъ сомнѣнія, сослужатъ свою службу въ дѣлѣ исцѣленія социальныхъ недуговъ и поднятія нравственнаго уровня народа,—но истинно нравственною, обновляющею и просвѣщающею силою христіанское просвѣщеніе сдѣлается для сетукеза лишь тогда, когда церковь заговоритъ съ нимъ на его родномъ языкѣ, и проповѣдь Евангелія Іисуса Христа проникнетъ въ глубь его сердца.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ ХLI, вып. 1-й.

Типографія М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

